

ЭММАНУИЛ ГЕРМАН

ОРК

К 836

I-XX

V
1922

урагосиздат
Екатеринбург

M.1507654

12ue
59593

TO THE NATIONAL ARCHIVES
COLLEGE PARK, MARYLAND

7к
Делъ отвѣта

ЭММАНУИЛ ГЕРМАН

В редакцію Журнала
"Терми и революция"

СТИХИ О МОСКВЕ

БИБЛИОТЕКА
В. П. ПОЛОНСКОГО

Москва, 28/V. 22.

1922

К

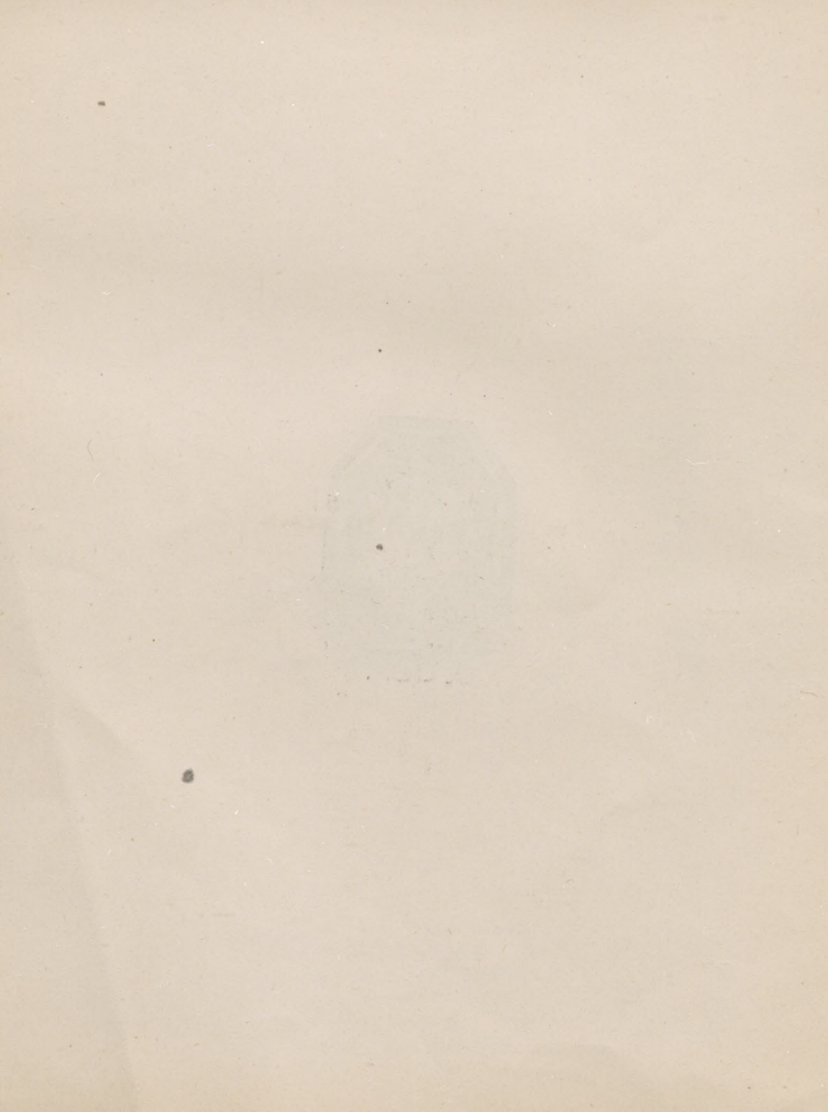
ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ
НАЦ. ССРС.
им. М. Горького

37-103.279.

м. 1507654.

Государственная
публичная библиотека
им. В. Г. Белинского
г. Свердловск

СТИХИ О МОСКВЕ

С прохладной вышки колокольной
В сухой, дремотный, душный час
Я пестроту Первопрестольной
Вдруг увидал—как в первый раз.

Толпились церковки, как сестры.
Стенанье меди... гул колес....
Московских улиц хаос пестрый
Меня, баюкая, понес.

Соборы ладаном дышали,
Лампады искрились из тьмы.
Пестрели площади, как шали,
Округло горбились холмы.

И, громыхая по базарам,
С церквей сорвавшаяся медь
Неслась, ликуя, что татарам
Замоскворечьем не владеть.

И, в колокольном перебое
Ловя веков ушедших гул,
В лицо Московии рябое
Я изумленно заглянул.

Так, верно, ханские баскаки,
Ленивый стряхивая сон,
Читали огненные знаки
Ее узорчатых письмен.

Шептались, слушая литии,
Дивились пышности заплат:
Легли узоры Византии
На ханом даренный халат.

Так, по размеренной Европе
Проволочив орудий гул,
В Москвы цветном калейдоскопе
Великий временщик тонул.

Он с попираемого вала
Глядел в Москвы лукавый лик,
Она ж насмешливо казала
Пожара пламенный язык.

Так, на московские перины
Переместив свой галльский стан,
Смотрела авторша „Дельфины“
На Кремль, мужицкий Ватикан.

Так, завлечен в кружащий танец
Церквей, бульваров, толп и вод,
Гляжу и я, как чужестранец,
В лицо Москвы, на мой народ.

Дивлюсь, познавший их обычай
И не обманутый — пока,
Москве татарской, чуть мужичьей
И офранцуженной слегка.

У золоченого амвона
Христовых яслей нищета.
Скорбит покаранный Иона
Во чреве влажного кита.

Сверкают раки. Сон их мирен.
Пылает киноварью ад.
Взлетев под купол, птица Сириин
Глядит в незримый райский сад.

Меж шуб — святительские тоги.
В снегах Спаситель смугло гол.
В придел угодник босоногий
Неслышной поступью прошел.

Лучем, как пальцем, день нащупал
Его заискрившийся глаз.
Вверху, вызвездивая купол,
Мурлычет песню богомаз.

Когда-ж потухнет лик святого
И смолкнет песня маляра,
Слышать, как каплет кровь Христова
Из прободенного ребра.

Персты, затекшие на четках,
Зимой — трактиров душный рай,
Где молодцы в косоворотках
Разносят с бубликами чай.

Трактир с органом, сад с беседкой.
Наивный храм, где, вздернув хвост,
Над нарисованною веткой
Вещает птица Алконост.

Побед трезвонящие марши.
Парады. Службы. Тропари.
В Кремле хоромы патриарши,
Где умалялися цари.

Послов обычай незнакомый,
Москва Петра, Москва стрельца.
... Меж тем, беседа, Наркомы
Выходят с Красного крыльца.

Москвы узорчатые чары
Меня томят, как пестрый сон.
Здесь — потрудились Коммунары,
Здесь — отдыхал Наполеон.

Здесь озарен лампадным светом
Разгул Иванов, гнев Малют.
Здесь с феерическим декретом
Срифмован пушечный салют.

В седом Кремле, где инок истов,
Слова молитв заглушены —
Вопит призыв социалистов
С полуразрушенной стены.

И пред просфирней простоватой
Встает Антихрист, щуря глаз,
Когда в ушах, заткнутых ватой,
Отдастся выстрелом приказ.

А переулки так же тихи —
Лишь пес пролетает невзначай.
Широкозадые купчихи
Тревожно пьют китайский чай.

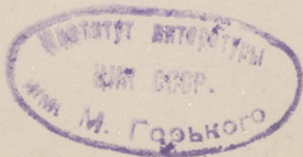
Гудят соборы, звоны сея
Над ситцем вывесок и крыш.
И пред палатой Алексея
Застыл, как статуя, латыш.

О, летописцев Русская Земля!
 В туманах дней ее прозрите вдруг вы.
 Все тот-же Кремль, и так-же у Кремля
 Багряные колышутся хоругви.

Со стен церковей грозит сусальный ад,
 И в блеске риз надменен день вчерашний.
 Но, времена связуя, и назад,
 И в даль веков глядят сторожка башни.

И рокот богомольцев им знаком.
 Пусть нынче Кремль по-новому священен
 Седой толпе: в нем правит службу Ленин,
 И заседает Совнарком.

Государственная
 публичная библиотека
 им. В. Г. Белинского
 г. Свердловск

На сонной Яузе вал встает бугром.
Семья церквей в раздумье клонит главы.
Трубя гробам, побед военных гром
Вступает в спор с громами давней славы.

В стенах Кремля трофеев мирный сон.
Их много лет с'едали моль и музы.
Но вот уже — под сень иных знамен
Сложили меч разбитые французы.

Пустует храм, где слышен Божий шаг,
От вздоха толп лицо Его не потно.
Но улицей, как встарь церковный стяг,
Пронесят огнецветные полотна.

В столице веры — всходы новых вер.
Тускла парча церковного покрыва.
И четок вензель: Р. С. Ф. С. Р.
Над вензелем последнего Второго.

1919

КРЕСТИНЫ

В словах, доселе незнакомых,
Запечатлен великий год —
В коротких Циках, Совнаркомах
И в грузном слове: Наркомпрод.

Давать названья — вот занятие.
И не предсказана-ль строка,
Когда торговки на Арбате
Склоняют слово: Вечека?

И разве дворникова милка,
В косу вплетая зелень лент,
Случайно в слово: Учредилка
Вплела саратовский акцент?

И та же ль тишь ржаных губерний?
И разве кумушки тайком,
Спеша медлительно к вечерне,
Не осуждают Исполком?

Дивлюсь словесному цветенью.
И все-б внимал! И все-б глядел!
Слова ложатся вечной тенью
От изменяющихся дел.

Страдая, радуйтесь, поэты.
Как луч, узорится молва.
Да разрушаются предметы!
Да создаются слова!

Гоним словесным недородом
На нивы слов, шумевших встарь,
Грядущий век за Наркомпродом
Не раз заглянет в наш словарь.

И, окрыляя прошлым гений,
В минувших днях заметит он
В пыли разрушенных творений
Цветенье созданных имен.

О, ветер бунга — пьяный, шалый!
О, смерч восстанья роковой!
На перекрестках генералы
Торгуют сумрачно халвой.

Клянут Империи ошибки,
Клянут восстанья правый суд,
И героические Шипки
На рынок с рухлядью несут.

Ведут монахи счет неделям.
Меж тем, преемник чванных бар,
К дворцам Империи — с портфелем
Спешит рабочий комиссар.

Повис кумач с Кремлевских башен —
Кровавый бинт над рваным лбом.
Фасад Империи украшен
Некоронованным гербом.

Люблю, мятеж, твои уловки.
Мутя события, как ручей,
Ты возлюбил перестановки
Имен, названий, дел, вещей.

Я — как и ты. Сильней, чем смерч, он,
Моих стихов чернильный шквал.
Им лихорадочно заверчен
Монах, рабочий, генерал,

Названья, возгласы, предметы,
Нагрудный знак, нательный крест,
Письмо, записка, лист газеты,
Высокопарный манифест.

Бурли, волна чернильной влаги,
Дары выбрасывая в срок
На тихий берег — лист бумаги,
Опутав водорослью строк.

1919

РОССИЯ, КОТОРАЯ БУДЕТ.

Явись, откройся! Лик стихии
Немногим, избранным, знаком,
И каждый скажет о России
Своим, особым, языком.

Их — тьма. У каждого — по краю
В родном, единственном, краю.
Я безошибочно узнаю
В Россиях, в родинах — мою.

Их — тьма. И всем дано растрогать.
И всем — восторги, всем — стихи.
Смазных сапог чадящий деготь
Иным понятней, чем духи.

В броне Россия, Русь в овчине —
Есть прелесть там, есть прелесть тут.
Нас в книгах радует поныне
Поэтизированный кнут.

Но, друг Нью-Йорку, друг Парижу,
Чужим, веселым городам,
Россию новую я вижу
И — раз увидев — не отдам.

Под вялым солнцем русской лени
Встает, сбиваясь и спеша,
В крови зачатых поколений
Преображенная душа.

Стройна, закончена, одета
В стихи, железо, цифры, медь.
Я знаю — нет еще поэта,
Чтоб эту родину воспеть.

Ей тесно в нас. Ей мало мира.
С ее-ль спортсменского плеча
Полярных цезарей порфира,
Царей истлевшая парча?

Ей, примелькавшиеся лики
Несуществующего дня,
В Петрах ничтожных — Петр Великий,
В Иванах — Грозный — не родня.

Ей по нутру Верхарнов оды,
В металл одетые до пят.
И пусть Батыевы подводы
В стихах медлительных скрипят!

Что этот шум в татарском стане,
Когда рычит таксомотор!
Сковали молоты восстаний
Степей бесформенный простор.

В бетон оправлен лик хаоса.
То не Батыевы возы —
В степях железные колеса
И гул искусственной грозы.

Учу язык стального гула.
Слежу, взволнованно дрожа,
Как ширь Батыеву хлестнула
Дорог железная вожжа.

Пусть сталь хрупка, железо слабо,
Есть цепи строк — их крепче нет.
Так Русь, безформенная баба,
В тугой затянута корсет.

И дерзко вышучу мечту-ли,
Турист с котомкой на плече,
Заметив Лондон в сонной Туле,
Американца в москвиче?

Уже за плугами, над пашней,
Ловлю походки четкой стук —
Оставив лаптю день вчерашний,
Ступает английский каблук.

И тот-же пахаря цилиндр
Глядится в Волгу, Дон и Псел,
И потешает тот-же Линдер
Аборигенов русских сел.

Где этот быт — наивно грубый?
В степях Заволжья — фабрик гарь.
В их металлические трубы
Трубит уверенно волгарь.

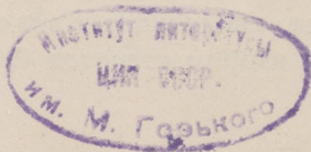
И сеять вымыслов не надо
В степей вместительную ширь,
Когда, кандалная Канада,
Пред взором стелется Сибирь.

Ее лицо пятнают сыпы —
Золотоцветная руда.
Вдоль Оби, русской Миссисипи,
Снуют железные суда.

И, обогнав гагар и чайку,
Несет расчетливый каприз
К Камчатке, русскому Клондайку,
Москвой воспитанную мисс.

Так, извиваясь, строчек рельсы
Ведут к волшебнейшей из стран.
О, Русь! Грядущие Уэльсы
Еще напишут твой роман!

1919

ОГЛАВЛЕНИЕ

СТИХИ О МОСКВЕ:

1. С прохладной вышки колокольной 7
2. У золоченого амвона 11
3. Персты, затекшие на четках 13
4. Москвы узорчатые чары 15
5. О, летописцев русская земля 17
6. На сонной Яузе вал встает бугром 18

КРЕСТИНЫ:

1. В словах, доселе незнакомых 23
2. О, ветер бунта, пьяный, шалый 26

РОССИЯ, КОТОРАЯ БУДЕТ 31

Ектб . тип. „Гранит“. Зак. № 2178, 16-1—22 г. Тир. 3000 экз.

10R.